

Летучий корабль

Русская народная сказка

Был себе дед да баба, у них было три сына: два разумных, а третий дурень. Первых баба любила, чисто одевала; а последний за- всегда был одет худо — в чёрной сорочке ходил. Послышали они, что пришла от царя бумага: «Кто состроит такой корабль, чтобы мог летать, за того выдаст замуж царевну». Старшие братья решились идти пробовать счастья и попросили у стариков благословения; мать снарядила их в дорогу, надавала им белых паляниц¹, разного мясного и фляжку горелки и выпроводила в путь-дорогу. Увидя то, дурень начал и себе проситься, чтобы и его отпустили. Мать стала его уговаривать, чтоб не ходил: «Куда тебе, дурню; тебя волки съедят!» Но дурень заладил одно: пойду да пойду! Баба видит, что с ним не сладишь, дала ему на дорогу чёрных паляниц и фляжку воды и выпроводила из дому.

Дурень шёл-шёл и повстречал старика. Поздоровались. Старик спрашивает дурня: «Куда идёшь?» — «Да царь обещал отдать свою дочку за того, кто сделает летучий корабль». — «Разве ты можешь сделать такой корабль?» — «Нет, не сумею!» — «Так за-

¹ Лепёшки (ред.).

чем же ты идёшь?» — «А бог его знает!» — «Ну, если так, — сказал старик, — то садись здесь; отдохнём вместе и закусим; вынимай, что у тебя есть в торбе». — «Да тут такое, что и показать стыдно людям!» — «Ничего, вынимай; что бог дал — то и поснедаем!» Дурень развязал торбу — и глазам своим не верит: вместо чёрных паляниц лежат белые булки и разные приправы; подал старику. «Видишь, — сказал ему старик, — как бог дурней жалует! Хоть родная мать тебя и не любит, а вот и ты не обделён... Давай же выпьем наперёд горелки». Во фляжке наместо воды очутилась горелка; выпили, перекусили, и говорит старик дурню: «Слушай же — ступай в лес, подойди к первому дереву, перекрестись три раза и ударь в дерево топором, а сам упади наземь ничком и жди, пока тебя не разбудят. Тогда увидишь перед собою готовый корабль, садись в него и лети, куда надобно; да по дороге забирай к себе всякого встречного».

Дурень поблагодарил старика, распрощался с ним и пошёл к лесу. Подошёл к первому дереву, сделал всё так, как ему велено: три раза перекрестился, тукнул по дереву секирою¹, упал на землю ничком и заснул. Спустя несколько времени начал кто-то будить его. Дурень проснулся и видит готовый корабль; не стал долго думать, сел в него — и корабль полетел по воздуху.

Летел-летел, глядь — лежит внизу на дороге человек, ухом к сырой земле припал. «Здо-

¹ Топором.

ров, дядьку!» — «Здоров, небоже». — «Что ты делаешь?» — «Слушаю, что на том свете делается». — «Садись со мною на корабль». Тот не захотел отговариваться, сел на корабль, и полетели они дальше. Летели-летели, глядь — идёт человек на одной ноге, а другая до уха привязана. «Здоров, дядьку! Что ты на одной ноге скачешь?» — «Да коли б я другую отвязал, так за один бы шаг весь свет перешагнул!» — «Садись с нами!» Тот сел, и опять полетели. Летели-летели, глядь — стоит человек с ружьём, прицеливается, а во что — неведомо. «Здоров, дядьку! Куда ты метишь? Ни одной птицы не видно». — «Как же, стану я стрелять близко! Мне бы застрелить зверя или птицу вёрст за тысячу отсюда: то по мне стрельба!» — «Садись же с нами!» Сел и этот, и полетели они дальше.

Летели-летели, глядь — несёт человек за спиною полон мех хлеба. «Здоров, дядьку! Куда идёшь?» — «Иду, — говорит, — добывать хлеба на обед». — «Да у тебя и так полон мешок за спиною». — «Что тут! Для меня этого хлеба и на один раз укусить нечего». — «Садись-ка с нами!» Объядало сел на корабль, и полетели дальше. Летели-летели, глядь — ходит человек вокруг озера. «Здоров, дядьку! Чего ищешь?» — «Пить хочется, да воды не найду». — «Да перед тобой целое озеро; что ж ты не пьёшь?» — «Эка! Этой воды на один глоток мне не станет». — «Так садись с нами!» Он сел, и опять полетели. Летели-летели, глядь — идёт человек в лес, а за плечами вязанка дров. «Здоров, дядьку! Зачем в лес дрова несёшь?» — «Да

это не простые дрова». — «А какие же?» — «Да такие: коли разбросить их, так вдруг целое войско явится». — «Садись с нами!» Сел он к ним, и полетели дальше. Летели-летели, глядь — человек несёт куль соломы. «Здоров, дядьку! Куда несёшь солому?» — «В село». — «Разве в селе-то мало соломы?» — «Да это такая солома, что как ни будь жарко лето, а коли разбросаешь её — так зараз холодно сделается: снег да мороз!» — «Садись и ты с нами!» — «Пожалуй!» Это была последняя встреча; скоро прилетели они до царского двора.

Царь на ту пору за обедом сидел: увидал летучий корабль, удивился и послал своего слугу спросить: кто на том корабле прилетел? Слуга подошёл к кораблю, видит, что на нём все мужики, не стал и спрашивать, а, воротясь назад в покои, донёс царю, что на корабле нет ни одного пана, а все чёрные люди. Царь рассудил, что отдавать свою дочь за простого мужика не приходится, и стал думать, как бы от такого зятя избавиться. Вот и придумал: «Стану я ему задавать разные трудные задачи». Тотчас посылает к дурню с приказом, чтобы он достал ему, пока царский обед покончится, целующей и живущей воды.

В то время как царь отдавал этот приказ своему слуге, первый встречный (тот самый, который слушал, что на том свете делается) услышал царские речи и рассказал дурню. «Что же я теперь делать буду? Да я и за год, а может быть, и весь свой век не найду такой воды!» — «Не бойся, — сказал ему скороход, — я за тебя справлюсь». При-

шёл слуга и объявил царский приказ. «Скажи: принесу!» — отозвался дурень; а товарищ его отвязал свою ногу от уха, побежал и мигом набрал целующей и живущей воды: «Успею, — думает, — воротиться!» — присел под мельницей отдохнуть и заснул. Царский обед к концу подходит, а его нет как нет; засуетились все на корабле. Первый встречный приник к сырой земле, прислушался и сказал: «Экий! Спит себе под мельницей». Стрелок схватил своё ружьё, выстрелил в мельницу и тем выстрелом разбудил скорохода; скороход побежал и в одну минуту принёс воду; царь ещё из-за стола не встал, а приказ его выполнен как нельзя вернее.

Нечего делать, надо задавать другую задачу. Царь велел сказать дурню: «Ну, коли ты такой хитрый, так покажи своё удалство: съешь со своими товарищами за один раз двенадцать быков жареных да двенадцать кулей печёного хлеба». Первый товарищ услышал и объявил про то дурню. Дурень испугался и говорит: «Да я и одного хлеба за один раз не съем!» — «Не бойся, — отвечает Обьедало, — мне ещё мало будет!» Пришёл слуга, явил царский указ. «Хорошо, — сказал дурень, — давайте, будем есть». Принесли двенадцать быков жареных да двенадцать кулей хлеба печёного; Обьедало один всё поел. «Эх, — говорит, — мало! Ещё б хоть немножко дали...» Царь велел сказать дурню, чтобы выпито было сорок бочек вина, каждая бочка в сорок вёдер. Первый товарищ дурня подслушал те царские речи и передал ему по-прежнему; тот испугался: «Да я и одно-

го ведра не в силах за раз выпить». — «Не бойся, — говорит Опивало, — я один за всех выпью; ещё мало будет!» Налили вином сорок бочек; Опивало пришёл и без роздыху выпил все до одной; выпил и говорит: «Эх, маловато! Ещё б выпить».

После того царь приказал дурню к венцу готовиться, идти в баню да вымыться; а баня-то была чугунная, и ту велел натопить жарко-жарко, чтоб дурень в ней в одну минуту задохся. Вот раскалили баню докрасна; пошёл дурень мыться, а за ним следом идёт мужик с соломою: подостлать-де надо. Заперли их обоих в бане; мужик разбросал солому — и сделалось так холодно, что едва дурень вымылся, как в чугунах вода стала мёрзнуть; залез он на печку и там всю ночь пролежал. Утром отворили баню, а дурень жив и здоров, на печи лежит да песни поёт. Доложили царю; тот опечалился, не знает, как бы отвязаться от дурня; думал-думал и приказал ему, чтобы целый полк войска поставил, а у самого на уме: «Откуда простому мужику войско достать? Уж этого он не сделает!»

Как узнал про то дурень, испугался и говорит: «Теперь-то я совсем пропал! Выручали вы меня, братцы, из беды не один раз; а теперь, видно, ничего не поделаешь». — «Эх ты! — отозвался мужик с вязанкою дров. — А про меня разве забыл? Вспомни, что я мастер на такую штуку, и не бойся!» Пришёл слуга, объявил дурню царский указ: «Коли хочешь на царевне жениться, поставь к завтраму целый полк войска». — «Добре, зробию! Только если царь и после того станет

отговариваться, то повоюю всё его царство и насильно возьму царевну». Ночью товарищ дурня вышел в поле, вынес вязанку дров и давай раскидывать в разные стороны — тотчас явилось несметное войско; и конное, и пешее, и с пушками. Утром увидал царь и в свой черёд испугался; поскорей послал к дурню дорогие уборы и платья, велел во дворец просить с царевной венчаться. Дурень нарядился в те дорогие уборы, сделался таким молодцом, что и сказать нельзя! Явился к царю, обвенчался с царевною, получил большое приданое и стал разумным и догадливым. Царь с царицею его полюбили, а царевна в нём души не чаяла.

Пёрышко Финиста ясна сокола

Русская народная сказка

Жил-был старик, у него было три дочери: большая и средняя — щеголихи, а меньшая только о хозяйстве радела. Сбирается отец в город и спрашивает у своих дочерей: которой что купить? Большая просит:

— Купи мне на платье!

И середняя то ж говорит.

— А тебе что, дочь моя любимая? — спрашивает у меньшей.

— Купи мне, батюшка, пёрышко Финиста ясна сокола.

Отец простился с ними и уехал в город; большим дочерям купил на платье, а пёрыш-

ка Финиста ясна сокола нигде не нашёл. Воротился домой, старшую и среднюю дочерей обновлениями обрадовал.

— А тебе, — говорит меньшей, — не нашёл пёрышка Финиста ясна сокола.

— Так и быть, — сказала она, — может, в другой раз посчастливится найти.

Большие сёстры кроют, да обновления себе шьют, да над нею посмеиваются; а она знай отмалчивается.

Опять собирается отец в город и спрашивает:

— Ну, дочки, что вам купить?

Большая и средняя просят по платку купить, а меньшая говорит:

— Купи мне, батюшка, пёрышко Финиста ясна сокола.

Отец поехал в город, купил два платка, а пёрышка и в глаза не видал. Воротился назад и говорит:

— Ах, дочка, ведь я опять не нашёл пёрышка Финиста ясна сокола!

— Ничего, батюшка; может, в иное время посчастливится.

Вот и в третий раз собирается отец в город и спрашивает:

— Сказывайте, дочки, что вам купить?

Большие говорят:

— Купи нам серьги.

А меньшая опять своё:

— Купи мне пёрышко Финиста ясна сокола.

Отец искупил золотые серьги, бросился искать пёрышко — никто такого не ведает; опечалился и поехал из городу. Только за заставу, а навстречу ему старичок несёт коробочку.

- Что несёшь, старина?
- Пёрышко Финиста ясна сокола.
- Что за него просишь?
- Давай тысячу.

Отец заплатил деньги и поскакал домой с коробочкой. Встречают его дочери.

— Ну, дочь моя любимая, — говорит он меньшей, — наконец и тебе купил подарок; на, возьми!

Меньшая дочь чуть не прыгнула от радости, взяла коробочку, стала её целовать-миловать, крепко к сердцу прижимать.

После ужина разошлись все спать по своим светёлкам; пришла и она в свою горницу, открыла коробочку — пёрышко Финиста ясна сокола тотчас вылетело, ударилось об пол, и явился перед девицей прекрасный царевич. Повели они меж собой речи сладкие, хорошие. Услыхали сёстры и спрашивают:

— С кем это, сестрица, ты разговариваешь?

— Сама с собой, — отвечает красная девица.

— А ну, отопрись!

Царевич ударился об пол — и сделался пёрышком; она взяла, положила пёрышко в коробочку и отворила дверь. Сёстры и туда смотрят и сюда заглядывают — нет никого!

Только они ушли, красная девица открыла окно, достала пёрышко и говорит:

— Полетай, моё пёрышко, во чисто поле; погуляй до поры до времени!

Пёрышко обратилось ясным соколом и улетело в чистое поле.

На другую ночь прилетает Финист ясный сокол к своей девице; пошли у них разгово-

ры весёлые. Сёстры услышали и сейчас к отцу побежали:

— Батюшка! У нашей сестры кто-то по ночам бывает; и теперь сидит да с нею разговаривает.

Отец встал и пошёл к меньшей дочери, входит в её горницу, а царевич уж давно обрattился пёрышком и лежит в коробочке.

— Ах вы, негодные! — накинулся отец на своих больших дочерей. — Что вы на неё понапрасну взводите? Лучше бы за собой присматривали!

На другой день сёстры поднялись на хитрости: вечером, когда на дворе совсем стемнело, подставили лестницу, набрали острых ножей да иголок и натыкали на окне красной девицы.

Ночью прилетел Финист ясный сокол, бился — не мог попасть в горницу, только крылышки себе обрезал.

— Прощай, красна девица! — сказал он. — Если вздумаешь искать меня, то ищи за тридцать земель, в тридесyтом царстве. Прежде три пары башмаков железных истопчешь, три посоха чугунных изломаешь, три просвиры каменные изгложешь, чем найдёшь меня, добра молодца!

А девица спит себе: хоть и слышит сквозь сон эти речи неприветливые, а встать-пробудиться не может.

Утром просыпается, смотрит — на окне ножи да иглы натыканы, а с них кровь так и капает. Всплеснула руками:

— Ах, боже мой! Знать, сестрицы сгубили моего друга милого!

В тот же час собралась и ушла из дому. Побежала в кузницу, сковала себе три пары башмаков железных да три посоха чугунных, запаслась тремя каменными просвирами и пустилась в дорогу искать Финиста ясна сокола.

Шла, шла, пару башмаков истоптала, чугунный посох изломала и каменную просвиру изглодала; приходит к избушке и стучится:

— Хозяин с хозяйшкой! Укройте от тёмной ночи.

Отвечает старушка:

— Милости просим, красная девица! Куда идёшь, голубушка?

— Ах, бабушка! Ищу Финиста ясна сокола.

— Ну, красна девица, далеко ж тебе искать будет!

Наутро говорит старуха:

— Ступай теперь к моей средней сестре, она тебя добру научит; а вот тебе мой подарок: серебряное донце, золотое веретёнце; станешь кудель прясть — золотая нитка протянется.

Потом взяла клубочек, покатила по дороге и наказала вслед за ним идти, куда клубочек покатится, туда и путь держи! Девица поблагодарила старуху и пошла за клубочком.

Долго ли, коротко ли, другая пара башмаков изношена, другой посох изломан, ещё каменная просвира изглодана; наконец прикатился клубочек к избушке. Она постучалась:

— Добрые хозяева! Укройте от тёмной ночи красну девицу.

— Милости просим! — отвечает старушка. — Куда идёшь, красная девица?

— Ищу, бабушка, Финиста ясна сокола.

— Далеко ж тебе искать будет!

Поутру дает ей старушка серебряное блюдо и золотое яичко и посылает к своей старшей сестре: она-де знает, где найти Финиста ясна сокола!

Простилась красна девица со старухой и пошла в путь-дорогу; шла, шла, третья пара башмаков истоптана, третий посох изломан и последняя просвира изглодана — прикатился клубочек к избушке. Стучится и говорит странница:

— Добрые хозяева! Укройте от тёмной ночи красну девицу.

Опять вышла старушка:

— Поди, голубушка! Милости просим! Откуда идёшь и куда путь держишь?

— Ищу, бабушка, Финиста ясна сокола.

— Ох, трудно, трудно отыскать его! Он живёт теперь в таком-то городе, на просвирниной дочери там женился.

Наутро говорит старуха красной девице:

— Вот тебе подарок: золотое пялечко да иголочка; ты только пялечко держи, а иголочка сама вышивать будет. Ну, теперь ступай с богом и наймись к просвирне в работницы.

Сказано — сделано. Пришла красная девица на просвирнин двор и нанялась в работницы; дело у ней так и кипит под руками: и печку топит, и воду носит, и обед готовит. Просвирня смотрит да радуется.

— Слава богу! — говорит своей дочке. — Нажили себе работницу и услужливую и добрую: без наряду всё делает!

А красная девица, покончив с хозяйскими работами, взяла серебряное донце, золотое

веретёнце и села прясть: прядёт — из кудели нитка тянется, нитка не простая, а чистого золота. Увидала это просвирнина дочь:

— Ах, красная девица! Не продашь ли мне свою забаву?

— Пожалуй, продам!

— А какая цена?

— Позволь с твоим мужем ночь перебыть.

Просвирнина дочь согласилась.

«Не беда! — думает. — Ведь мужа можно сонным зельем опоить, а чрез это веретёнце мы с матушкой озолотимся!»

А Финиста ясна сокола дома не было: целый день гулял по поднебесью, только к вечеру воротился.

Сели ужинать; красная девица подаёт на стол кушанья да всё на него смотрит, а он, добрый молодец, и не узнаёт её. Просвирнина дочь подмешала Финисту ясну соколу сонного зелья в питьё, уложила его спать и говорит работнице:

— Ступай к нему в горницу да мух отгоняй!

Вот красная девица отгоняет мух, а сама слёзно плачет:

— Проснись-пробудись, Финист ясный сокол! Я, красна девица, к тебе пришла; три чугунных посоха изломала, три пары башмаков железных истоптала, три просвиры каменные изглодала да всё тебя, милого, искала!

А Финист спит, ничего не чувствует; так и ночь прошла. На другой день работница взяла серебряное блюдечко и катает по нём золотым яичком: много золотых яиц накатала! Увидала просвирнина дочь.

— Продай, — говорит, — мне свою забаву!

— Пожалуй, купи.

— А как цена?

— Позволь с твоим мужем ещё единую ночь перебыть.

— Хорошо, я согласна!

А Финист ясный сокол опять целый день гулял по поднебесью, домой прилетел только к вечеру.

Сели ужинать, красная девица подаёт кушанья да всё на него смотрит, а он словно никогда и не знал её. Опять просвирнина дочь опоила его сонным зельем, уложила спать и послала работницу мух отгонять.

И на этот раз, как ни плакала, как ни будила его красная девица, он проспал до утра и ничего не слышал.

На третий день сидит красная девица, держит в руках золотое пялечко, а иголочка сама вышивает — да такие узоры чудные! Загляделась просвирнина дочка.

— Продай, красная девица, продай, — говорит, — мне свою забаву!

— Пожалуй, купи!

— А как цена?

— Позволь с твоим мужем третью ночь перебыть.

— Хорошо, я согласна!

Вечером прилетел Финист ясный сокол; жена опоила его сонным зельем, уложила спать и посылает работницу мух отгонять.

Вот красная девица мух отгоняет, а сама слёзно причитывает:

— Проснись-пробудись, Финист ясный сокол! Я, красна девица, к тебе пришла; три чугунных посоха изломала, три пары железных

башмаков истоптала, три каменные просвиры изглодала — всё тебя, милого, искала!

А Финист ясный сокол крепко спит, ничего не чувствует. Долго она плакала, долго будила его; вдруг упала ему на щёку слеза красной девицы, и он в ту же минуту проснулся:

— Ах, — говорит, — что-то меня обожгло!

— Финист ясный сокол! — отвечает ему девица. — Я к тебе пришла; три чугунных посоха изломала, три пары железных башмаков истоптала, три каменные просвиры изглодала — всё тебя искала! Вот уж третью ночь над тобою стою, а ты спишь — не пробуждаешься, на мои слова не отзываешься!

Тут только узнал Финист ясный сокол и так обрадовался, что сказать нельзя.

Сговорились и ушли от просвирни.

Поутру хватилась просвирнина дочь своего мужа: ни его нет, ни работницы! Стала жаловаться матери; просвирня приказала лошадей заложить и погналась в погоню.

Ездила, ездила, и к трём старухам заезжала, а Финиста ясна сокола не догнала: его и следов давно не видать!

Очутился Финист ясный сокол со своею суженой возле её дома родительского; ударился о сыру землю и сделался пёрышком: красная девица взяла его, спрятала за пазушку и пришла к отцу.

— Ах, дочь моя любимая! Я думал, что тебя и на свете нет; где была так долго?

— Богу ходила молиться.

А случилось это как раз около святой недели. Вот отец с старшими дочерьми собираются к заутрене.

— Что ж, дочка милая, — спрашивает он меньшую, — собирайся да поедем; нынче день такой радостный.

— Батюшка, мне надеть на себя нечего.

— Надень наши уборы, — говорят старшие сёстры.

— Ах, сестрицы, мне ваши платья не по кости! Я лучше дома останусь.

Отец с двумя дочерьми уехал к заутрене; в те поры красная девица вынула своё пёрышко. Оно ударилось об пол и сделалось прекрасным царевичем.

Царевич свистнул в окошко — сейчас явились и платья, и уборы, и карета золотая. Нарядились, сели в карету и поехали.

Входят они в церковь, становятся впереди всех; народ дивится: какой такой царевич с царевною пожаловал?

На исходе заутрени вышли они раньше всех и уехали домой; карета пропала, платьев и уборов как не бывало, а царевич обратился пёрышком. Воротился и отец с дочерьми.

— Ах, сестрица! Вот ты с нами не ездила, а в церкви был прекрасный царевич с ненаглядной царевною.

— Ничего, сестрицы! Вы мне рассказали — всё равно что сама была.

На другой день опять то же; а на третий, как стал царевич с красной девицей в карету садиться, отец вышел из церкви и своими глазами видел, что карета к его дому подъехала и пропала.

Воротился отец и стал меньшую дочку допрашивать; она и говорит:

— Нечего делать, надо признаться!

Вынула пёрышко; пёрышко ударилось об пол и обернулось царевичем.

Тут их и обвенчали, и свадьба была богатая! На той свадьбе и я был, вино пил, по усам текло, во рту не было. Надели на меня колпак да и ну толкать; надели на меня кузов:

— Ты, детинушка, не гузай, убирайся-ка поскорей со двора.

Сестрица Алёнушка, братец Иванушка

Русская народная сказка

Жили-были себе царь и царица; у них были сын и дочь, сына звали Иванушкой, а дочь Алёнушкой. Вот царь с царицею померли; остались дети одни и пошли странствовать по белу свету. Шли, шли, шли... идут и видят пруд, а около пруда пасётся стадо коров. «Я хочу пить», — говорит Иванушка. «Не пей, братец, а то будешь телёночком», — говорит Алёнушка. Он послушался, и пошли они дальше; шли, шли и видят реку, а около ходит табун лошадей. «Ах, сестрица, если б ты знала, как мне пить хочется». — «Не пей, братец, а то сделаешься жеребёночком». Иванушка послушался, и пошли они дальше, шли, шли и видят озеро, а около него гуляет стадо овец. «Ах, сестрица, мне страшно пить хочется». — «Не пей, братец, а то будешь баранчиком». Иванушка послушался, и пошли они дальше; шли, шли и видят ручей,

а возле стерегут свиней. «Ах, сестрица, я напьюся; мне ужасно пить хочется». — «Не пей, братец, а то будешь поросёночком». Иванушка опять послушался, и пошли они дальше; шли, шли и видят: пасётся у воды стадо коз. «Ах, сестрица, я напьюся». — «Не пей, братец, а то будешь козлёночком». Он не вытерпел и не послушался сестры, напился и стал козлёночком, прыгает перед Алёнушкой и кричит: «Ме-ке-ке! Ме-ке-ке!»

Алёнушка обвязала его шёлковым поясом и повела с собою, а сама-то плачет, горько плачет... Козлёночек бегал, бегал и забежал раз в сад к одному царю. Люди увидели и тотчас доказывают царю: «У нас, ваше царское величество, в саду козлёночек, и держит его на поясе девица, да такая из себя красавица». Царь приказал спросить, кто она такая. Вот люди и спрашивают её: откуда она и чьего роду-племени? «Так и так, — говорит Алёнушка, — был царь и царица, да померли; остались мы, дети; я — царевна, да вот братец мой, царевич; он не утерпел, напился водицы и стал козлёночком». Люди доложили всё это царю. Царь позвал Алёнушку, расспросил обо всём; она ему приглянулась, и царь захотел на ней жениться. Скоро сделали свадьбу и стали жить себе, и козлёночек с ними — гуляет себе по саду, а пьёт и ест вместе с царём и царицею.

Вот поехал царь на охоту. Тем временем пришла колдунья и навела на царицу порчу; сделалась Алёнушка больная, да такая худая да бледная. На царском дворе всё приуныло; цветы в саду стали вянуть, деревья сохнуть,

трава блекнуть. Царь воротился и спрашивает царицу: «Али ты чем нездорова?» — «Да, хвораю», — говорит царица. На другой день царь опять поехал на охоту, Алёнушка лежит больная; приходит к ней колдунья и говорит: «Хочешь, я тебя вылечу? Выходи к такому-то морю столько-то зорь и пей там воду». Царица послушалась и в сумерках пошла к морю, а колдунья уже дожидается, схватила её, навязала ей на шею камень и бросила в море. Алёнушка пошла на дно; козлёночек прибежал и горько-горько заплакал. А колдунья обернулась царицею и пошла во дворец.

Царь приехал и обрадовался, что царица опять стала здорова. Собрали на стол и сели обедать. «А где же козлёночек?» — спрашивает царь. «Не надо его, — говорит колдунья, — я не велела пускать; от него так и несёт козлятиной!» На другой день, только царь уехал на охоту, колдунья козлёночка била-била, колотила-колотила и грозит ему: «Вот воротится царь, я попрошу тебя зарезать». Приехал царь; колдунья так и пристаёт к нему: «Прикажи да прикажи зарезать козлёночка; он мне надоел, опротивел совсем!» Царю жалко было козлёночка, да делать нечего — она так пристаёт, так упрашивает, что царь, наконец, согласился и позволил его зарезать. Видит козлёночек: уж начали точить на него ножи булатные, заплакал он, побежал к царю и просится: «Царь! Пусти меня на море сходить, водицы испить, кишочки всполоскать». Царь пустил его. Вот козлёночек прибежал к морю, стал на берегу и жалобно закричал:

Алёнушка, сестрица моя!
Выплынь, выплынь на бёрежок.
Огни горят горючие,
Котлы кипят кипучие,
Ножи точат булатные,
Хотят меня зарезати!

Она ему отвечает:

Иванушка-братец!
Тяжёл камень ко дну тянет,
Люта змея сердце высосала!

Козлёночек заплакал и воротился назад. Посеред дня опять просится он у царя: «Царь! Пусти меня на море сходить, водицы испить, кишочки всполоскать». Царь пустил его. Вот козлёночек прибежал к морю и жалобно закричал:

Алёнушка, сестрица моя!
Выплынь, выплынь на бёрежок.
Огни горят горючие,
Котлы кипят кипучие,
Ножи точат булатные,
Хотят меня зарезати!

Она ему отвечает:

Иванушка-братец!
Тяжёл камень ко дну тянет,
Люта змея сердце высосала!

Козлёночек заплакал и воротился домой. Царь и думает: что бы это значило, козлёночек всё бегаёт на море? Вот попросился козлёночек в третий раз: «Царь! Пусти меня на море сходить, водицы испить, кишочки всполоскать». Царь отпустил его и сам пошёл за ним следом; приходит к морю и слышит — козлёночек вызывает сестрицу:

Алёнушка, сестрица моя!
Выплынь, выплынь на бёрежок.
Огни горят горючие,
Котлы кипят кипучие,
Ножи точат булатные,
Хотят меня зарезати!

Она ему отвечает:

Иванушка-братец!
Тяжёл камень ко дну тянет,
Люта змея сердце высосала!

Козлёночек опять зачал вызывать сестрицу. Алёнушка всплыла кверху и показалась над водой. Царь ухватил её, сорвал с шеи камень и вытащил Алёнушку на берег да и спрашивает: как это сталося? Она ему всё рассказала. Царь обрадовался, козлёночек тоже — так и прыгает, в саду всё зазеленело и зацвело. А колдунью приказал царь казнить: разложили на дворе костёр дров и сожгли её. После того царь с царицей и с козлёночком стали жить да поживать да добра наживать и по-прежнему вместе и пили и ели.

Сказка о молодце-удальце, молодильных яблоках и живой воде

Русская народная сказка

Жил да был царь; у царя было три сына: Фёдор, Егор да Иван; Иван был не совсем умён. Посылает царь старшего сына по живую воду, по сладкие молодежавые яблоки; он пое-

хал и доезжает до расстанья. Тут столб стоит, на столбе роспись: вправо идти — попить да поесть, влево идти — головушку погубить; он поехал вправо и приезжает к дому; заходит в избу, а тут девица говорит ему: «Фёдор-царевич! Ложись со мной спать». Он лёг; она взяла да и спихнула его неведомо куда. Царь, не дождавшись его долго, другого сына посылает. Этот поехал и до того же места приезжает; входит в избу. Девица и этого так же уходила. Царь посылает третьего сына: «Поезжай ты!»

Младший сын поехал, доезжает до того же расстанья и говорит: «Для отца поеду голову губить!» — и поехал влево; доезжает до избышки, входит туда, а в избышке ягишна — сидит за пряслицей, прядёт шёлкову кудельку на золотое веретёнце и говорит: «Куда, русская коска Иван-царевич, поехал?» Он отвечает: «Напой-накорми, тожно всё расспроси». Она напоила-накормила и спрашивает; он говорит: «Я поехал по живую воду, по сладкие моложавые яблоки — туда, где живёт Белая Лебедь Захарьевна». Ягишна говорит: «Едва ли достанешь! Разве я помогу» — и даёт ему своего коня. Он сел и поехал; доезжает до другой сестры ягишны. Вошёл в избу, она ему говорит: «Фу-фу, русской коски слыхом было не слышать, видом не видать, а ныне сама на двор пришла; куда, Иван-царевич, поехал?» Он отвечает: «Прежде напой-накорми, тожно расспроси». Она напоила-накормила его; он и говорит: «Я поехал добывать живую воду, сладкие моложавые яблоки — туда, где живёт Белая Лебедь Захарьевна». — «Едва ли

достанешь!» — сказала баба и дала ему своего коня.

Царевич поехал до третьей ягишны; входит в избу, та говорит: «Фу-фу, русской коски слыхом было не слышать, видом не видать, ныне русская коска сама на двор пришла: куда, Иван-царевич, поехал?» — «Прежде напой-накорми, тожно расспроси». Она напоила-накормила его; он и говорит: «Я поехал по живую воду, по сладкие моложавые яблоки». — «Трудно, царевич! Едва ли достанешь». Потом даёт ему своего коня, семисотную палицу и наказывает: «Когда станешь подъезжать к городу, то ударь коня палицей, чтобы он перескочил за симу́ (крепостную стену)». Так он и сделал: перескочил за симу́, поставил своего коня к столбу и идёт в палаты Белой Лебеди Захарьевны. Слуги его не пускают; а он сквозь пробивается: «Я, — говорит, — Белой Лебеди записку несу». Добился до покоев Белой Лебеди Захарьевны; в то время она крепко спала, на пуховой на постели разметалась, а живая вода стояла у ней под зголовьем. Он взял воды, поцеловал девицу <...>, потом, набравши моложавых яблоков, поехал назад. Конь его скочил чрез симу́ и задел за край. Вдруг зазвенели все колокольчики, все прозвончики, весь город пробудился. Белая Лебедь Захарьевна забегалась — ту няньку бьёт, другую колотит, кричит: «Вставайте! Кто-то в доме был, воды испил, колодезь не закрыл».

Между тем царевич пригнал к первой ягишне, переменял лошадь; а Лебедь Захарьевна за ним гонится, приехала к той ягишне, у

которой царевич только что коня сменил, и спрашивает: «Куда ты ездила? У тебя лошадь потна». Та отвечает: «Ездила в поле скота выгонять». Иван-царевич переменял у второй ягишны коня; а Лебедь Захарьевна вслед за ним приезжает и говорит: «Куда, ягишна, ездила? У тебя лошадь потна». — «Я ездила в поле скота выгонять, оттого у меня лошадь спотела». Иван-царевич доехал до последней ягишны, переменял лошадь; а Лебедь Захарьевна всё гонится, приезжает после него, спрашивает ягишну: «Что у тебя лошадь потна?» Та отвечает: «В поле ездила скота выгонять».

Отселе она домой воротилась; а Иван-царевич поехал к братьям. Приходит к дому, где они были; дэвица выскочила на крыльцо, говорит: «Добро пожаловать!» Потом зовёт его спать с собою. Царевич говорит: «Напой-накорми, тожно спать клади». Она напоила-накормила и опять говорит: «Ложись со мной!» Отвечает царевич: «Наперёд ты ложись!» Она легла наперёд, он её и спихнул; дэвица полетела неведомо куда. Иван-царевич думает: «Ну-ка вскрою эту западню; не там ли мои братья?» Вскрыл — они тут и сидят; говорит им: «Выходите, братья! Что вы тут делаете? Не стыдно ли вам?» Собрались и поехали все вместе домой к отцу. Вот дорогою старшие братья вздумали убить младшего; Иван-царевич узнал их думу и говорит: «Не бейте меня; я вам всё отдам!» Они на то не согласились, убили его и косточки разбросали по чистому полю. Конь Ивана-царевича собрал

его косточки в одно место, впрыснул живую водой; у него козка с козкой, суставчик с суставчиком срослися; царевич ожил и говорит: «Долго я спал, да скоро встал!» Приходит к своему отцу в чежелкѣ; отец, увидавши, говорит ему: «Ты куда ходил? Поди, нужные места очищать».

Между тем выезжает Белая Лебедь Захарьевна на заповедные луга царские и посылает к царю письмо, чтобы он выдал ей виноватого. Царь посылает старшего сына. Детки Белой Лебеди, завидя его, кричат: «Вон наш батюшка идѣт! Чем мы будем его потчевать?» А мать говорит: «Нет, это не отец, а дядюшка ваш; потчуйте его тем, что у вас в руках». А у них было по дубинке; они так ему бока навохрили (наколотили), что едва дошёл до дому. Потом царь посылает второго сына; этот идѣт, детки обрадовались и кричат: «Вон наш батюшка идѣт!» А мать говорит: «Нет, это ваш дядюшка». — «Чем же мы его будем потчевать?» — «А что у вас в руках, тем и потчуйте!» Они так же ему бока навохрили, как и старшему брату. Тожно посылает Белая Лебедь Захарьевна к царю сказать, чтобы выслал виноватого. Царь, наконец, посылает младшего сына; он бредѣт — на нём лаптишки худые, чежелкó худое.

Дети кричат: «Вон нищий какой-то идѣт!» А мать говорит: «Нет, это ваш батюшка». — «Чем мы будем его потчевать?» — «А чем бог послал». Когда Иван-царевич пришѣл, она надела на него хорошую лопоть (одежду), и поехали они к царю. По приезде Иван-царе-

вич рассказал отцу своё похождение; как он из ловушки братьев добыл и как они убили его. Отец рассердился, взял их разжаловал и приставил к низким должностям, а младшего сына взял к себе в наследники.

Крошечка-Хаврошечка

Русская народная сказка

Вы знаете, что есть на свете люди и хорошие, есть и похуже, есть и такие, которые бога не боятся, своего брата не стыдятся: к таким-то и попала Крошечка-Хаврошечка. Осталась она сиротой маленькой; взяли её эти люди, выкормили и на свет божий не пустили, над работою каждый день занудили, заморили; она и подаёт, и прибирает, и за всех и за всё отвечает.

А были у её хозяйки три дочери большие. Старшая звалась Одноглазка, средняя — Двуглазка, а меньшая — Триглазка; но они только и знали у ворот сидеть, на улицу глядеть, а Крошечка-Хаврошечка на них работала, их обшивала, для них и пряла и ткала, а слова доброго никогда не слыхала. Вот то-то и больно — ткнуть да толкнуть есть кому, а приветить да приохотить нет никого! Выйдет, бывало, Крошечка-Хаврошечка в поле, обнимет свою рябую корову, ляжет к ней на шейку и рассказывает, как ей тяжело жить-поживать: «Коровушка-матушка! Меня бьют, жуют, хлеба не дают, плакать не велят. К завтраму

дали пять пудов на прясть, наткать, побелить, в трубы покатасть». А коровушка ей в ответ: «Красная девица! Влезь ко мне в одно ушко, а в другое вылезь — всё будет сработано». Так и сбывалось. Вылезет красная девица из ушка — всё готово: и наткано, и побелено, и покато. Отнесёт к мачехе; та поглядит, покряхтит, спрячет в сундук, а ей еще больше работы задаст. Хаврошечка опять придёт к коровушке, в одно ушко влезет, в другое вылезет и готовенькое возьмёт принесёт.

Дивится старуха, зовет Одноглазку: «Дочь моя хорошая, дочь моя пригожая! Доглядись, кто сироте помогает: и ткёт, и прядёт, и в трубы катает?» Пошла с сиротой Одноглазка в лес, пошла с нею в поле; забыла матушкино приказанье, распеклась на солнышке, разлеглась на травушке, а Хаврошечка приговаривает: «Спи, глазок, спи, глазок!» Глазок заснул; пока Одноглазка спала, коровушка и наткала и побелила. Ничего мачеха не дозналась, послала Двуглазку. Эта тоже на солнышке распеклась и на травушке разлеглась, материно приказанье забыла и глазки смежила; а Хаврошечка баюкает: «Спи, глазок, спи, другой!» Коровушка наткала, побелила, в трубы покатала; а Двуглазка всё ещё спала.

Старуха рассердилась, на третий день послала Триглазку, а сироте ещё больше работы дала. И Триглазка, как её старшие сестры, попрыгала-попрыгала и на травушку пала. Хаврошечка поёт: «Спи, глазок, спи, другой!» — а об третьем забыла. Два глаза заснули, а третий глядит и всё видит, всё —

как красная дѣвица в одно ушко влезла, в другое вылезла и готовые холсты подобрала. Всё, что видела, Триглазка матери рассказала; старуха обрадовалась, на другой же день пришла к мужу: «Режь рябую корову!» Старик так, сяк: «Что ты, жена, в уме ли? Корова молодая, хорошая!» Режь, да и только! Наточил ножик...

Побежала Хаврошечка к коровушке: «Коровушка-матушка! Тебя хотят резать». — «А ты, красная дѣвица, не ешь моего мяса: косточки мои собери, в платочек завяжи, в саду их расседи и никогда меня не забывай, каждое утро водою их поливай». Хаврошечка всё сделала, что коровушка завещала; голодом голодала, мяса её в рот не брала, косточки каждый день в саду поливала, и выросла из них яблонька, да какая — боже мой! Яблочки на ней висят наливные, листвицы шумят золотые, веточки гнутся серебряные; кто ни едет мимо — останавливается, кто проходит близко — тот заглядывается.

Случилось раз — девушки гуляли по саду; на ту пору ехал по полю барин — богатый, кудреватый, молоденький. Увидел яблочки, затрогал девушек: «Дѣвицы-красавицы! — говорит он. — Которая из вас мне яблочко поднесёт, та за меня замуж пойдёт». И бросились три сестры одна перед другой к яблоньке. А яблочки-то висели низко, под руками были, а то вдруг поднялись высоко-высоко, далеко над головами стали. Сёстры хотели их сбить — листья глаза засыпают, хотели сорвать — сучья косы расплетают; как

ни бились, ни метались — ручки изодрали, а достать не могли. Подошла Хаврошечка, и веточки приклонились, и яблочки опустились. Барин на ней женился, и стала она в добре поживать, лиха не знаять.

Несмеяна-царевна

Русская народная сказка

Как подумаешь, куда велик божий свет! Живут в нём люди богатые и бедные, и всем им просторно, и всех их призирает и рассуждает господь. Живут роскошные — и празднуют; живут горемычные — и трудятся; каждому своя доля!

В царских палатах, в княжьих чертогах, в высоком терему красовалась Несмеяна-царевна. Какое ей было житьё, какое приволье, какое роскошье! Всего много, всё есть, чего душа хочет; а никогда она не улыбалась, никогда не смеялась, словно сердце её ничему не радовалось.

Горько было царю-отцу глядеть на печальную дочь. Открывает он свои царские палаты для всех, кто пожелает быть его гостем. «Пускай, — говорит, — пытаются развеселить Несмеяну-царевну; кому удастся, тому она будет женою». Только это вымолвил, как закипел народ у княжьих ворот! Со всех сторон едут, идут — и царевичи и княжевичи, и бояре и дворяне, полковые и простые; начались

пиры, полились меды — царевна всё не смеется.

На другом конце в своём уголке жил честной работник; по утрам он двор убирал, вечерами скот пасал, в беспрестанных был трудах. Хозяин его — человек богатый, правдивый — платою не обижал. Только покончился год, он ему мешок денег на стол: «Бери, — говорит, — сколько хочешь!» — а сам в двери и вышел вон. Работник подошёл к столу и думает: как бы перед богом не согрешить, за труды лишнего не положить? Выбрал одну только денежку, зажал её в горсть да вздумал водицы напиться, нагнулся в колодезь — денежка у него выкатилась и потонула на дно.

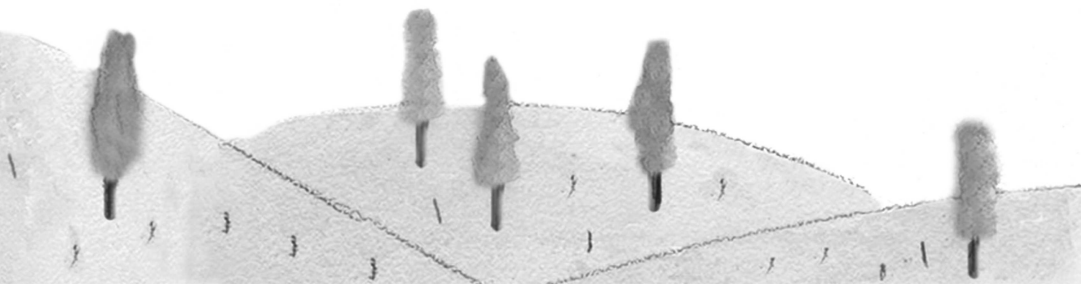
Остался бедняк ни при чём. Другой бы на его месте заплакал, затужил и с досады б руки сложил, а он нет. «Всё, — говорит, — бог посылает; господь знает, кому что давать: кого деньгами наделяет, у кого последние отнимает. Видно, я худо рачил, мало трудился, теперь стану усердней!» И снова за работу — каждое дело в его руках огнём горит! Кончился срок, минул ещё год, хозяин ему мешок денег на стол: «Бери, — говорит, — сколько душа хочет!» — а сам в двери и вышел вон. Работник опять думает, чтоб бога не прогневить, за труд лишнего не положить; взял денежку, пошёл напиться и выпустил невзначай из рук — денежка в колодезь и потонула. Ещё усерднее принялся он за работу: ночь недосыпает, день недоедает. Поглядишь: у кого хлеб сохнет, желтеет, а у его хозяи-

на всё буетеет; чья скотина ноги завивает, а его по улице брыкает; чьих коней под гору тащат, а его и в поводу не сдержать. Хозяин разумел, кого благодарить, кому спасибо говорить. Кончился срок, миновал третий год, он кучу денег на стол: «Бери, работничек, сколько душа хочет: твой труд, твоя и деньга!» — а сам вышел вон.

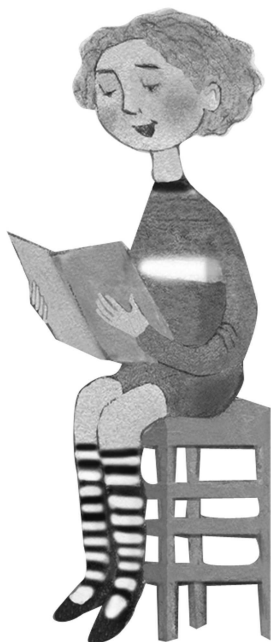
Берёт работник опять одну денежку, идёт к колодезю воды испить — глядь: последняя деньга цела, и прежние две наверх выплыли. Подобрал он их, догадался, что бог его за труды наградил; обрадовался и думает: «Пора мне бел свет поглядеть, людей распознать!» Подумал и пошёл куда глаза глядят. Идёт он полем, бежит мышь: «Ковалёк, дорогой куманёк! Дай денежку; я тебе сама пригожусь!» Дал ей денежку. Идёт лесом, ползёт жук: «Ковалёк, дорогой куманёк! Дай денежку; я тебе сам пригожусь!» Дал и ему денежку. Поплыл рекой, встретился сом: «Ковалёк, дорогой куманёк! Дай денежку; я тебе сам пригожусь!» Он и тому не отказал, последнюю отдал.

Сам пришёл в город; там людей, там дверей! Загляделся, завертелся работник на все стороны, куда идти — не знает. А перед ним стоят царские палаты, серебром-золотом украшены, у окна Несмеяна-царевна сидит и прямо на него глядит. Куда деваться! Затуманилось у него в глазах, нашёл на него сон, и упал он прямо в грязь. Откуда ни взялся сом с большим усом, за ним жучок-старичок, мышкострижка; все прибежали. Ухаживают, ублажи-

вают: мышка платьице снимает, жук сапожки очищает, сом мух отгоняет. Глядела, глядела на их услуги Несмеяна-царевна и засмеялась. «Кто, кто развеселил мою дочь?» — спрашивает царь. Тот говорит: «Я»; другой — «Я». — «Нет! — сказала Несмеяна-царевна. — Вон этот человек!» — и указала на работника. Тотчас его во дворец, и стал работник перед царским лицом молодец-молодцом! Царь своё царское слово сдержал; что обещал, то и даровал. Я говорю: не во сне ли это работнику снилось? Заверяют, что нет, истинная правда была, — так надо верить.



Детства
счастливые
годы...



Акула

Быль

Наш корабль стоял на якоре у берега Африки. День был прекрасный, с моря дул свежий ветер; но к вечеру погода изменилась: стало душно и точно из топленной печки несло на нас горячим воздухом с пустыни Сахары. Перед закатом солнца капитан вышел на палубу, крикнул: «Купаться!» — и в одну минуту матросы попрыгали в воду, спустили в воду парус, привязали его и в парусе устроили купальню.

На корабле с нами было два мальчика. Мальчики первые попрыгали в воду, но им тесно было в парусе, они вздумали плавать наперегонки в открытом море.

Оба, как ящерицы, вытягивались в воде и что было силы поплыли к тому месту, где был бочонок над якорем.

Один мальчик сначала перегнал товарища, но потом стал отставать. Отец мальчика, старый артиллерист, стоял на палубе и любовался на своего сынишку. Когда сын стал отставать, отец крикнул ему: «Не выдавай! понатужься!»

Вдруг с палубы кто-то крикнул: «Акула!» — и все мы увидали в воде спину морского чудовища.

Акула плыла прямо на мальчиков.

— Назад! назад! вернитесь! акула! — закричал артиллерист. Но ребята не слышали его, плыли дальше, смеялись и кричали ещё веселее и громче прежнего.

Артиллерист, бледный как полотно, не шевелясь, смотрел на детей.

Матросы спустили лодку, бросились в неё и, сгибая вёсла, понеслись что было силы к мальчикам; но они были ещё далеко от них, когда акула уже была не дальше 20-ти шагов.

Мальчики сначала не слышали того, что им кричали, и не видали акулы; но потом один из них оглянулся, и мы все услышали пронзительный визг, и мальчики поплыли в разные стороны.

Визг этот как будто разбудил артиллериста. Он сорвался с места и побежал к пушкам. Он повернул хобот, прилёг к пушке, прицелился и взял фитиль.

Мы все, сколько нас ни было на корабле, замерли от страха и ждали, что будет.

Раздался выстрел, и мы увидали, что артиллерист упал подле пушки и закрыл лицо руками. Что сделалось с акулой и с мальчиками, мы не видали, потому что на минуту дым застлал нам глаза.

Но когда дым разошёлся над водою, со всех сторон послышался сначала тихий ропот, потом ропот этот стал сильнее, и, наконец, со всех сторон раздался громкий, радостный крик.

Старый артиллерист открыл лицо, поднялся и посмотрел на море.

По волнам колыхалось жёлтое брюхо мёртвой акулы. В несколько минут лодка подплыла к мальчикам и привезла их на корабль.

Бы...

Один раз я сидел, сидел и ни с того ни с сего вдруг такое надумал, что даже сам удивился. Я надумал, что вот как хорошо было бы, если бы всё вокруг на свете было устроено наоборот. Ну вот, например, чтобы дети были во всех делах главные, а взрослые должны были бы их во всём, во всём слушаться. В общем, чтобы взрослые были как дети, а дети как взрослые. Вот это было бы замечательно, очень было бы интересно.

Во-первых, я представляю себе, как бы маме «понравилась» такая история, что я хожу и командурую ею, как хочу, да и папе небось тоже бы «понравилось», а о бабушке и говорить нечего. Что и говорить, я всё бы им припомнил! Например, вот мама сидела бы за обедом, а я бы ей сказал:

«Ты почему это завела моду без хлеба есть? Вот ещё новости! Ты погляди на себя в зеркало, на кого ты похожа? Вылитый Кощей! Ешь сейчас же, тебе говорят! — И она бы стала есть, опустив голову, а я бы только подавал команду: — Быстрее! Не держи за щекой! Опять задумалась? Всё решаешь мировые проблемы? Жуй как следует! И не раскачивайся на стуле!»

И тут вошёл бы папа после работы, и не успел бы он даже раздеться, а я бы уже закричал:

«Ага, явился! Вечно тебя надо ждать! Мои руки сейчас же! Как следует, как следует»

мой, нечего грязь размазывать. После тебя на полотенце страшно смотреть. Щёткой три и не жалея мыла. Ну-ка, покажи ногти! Это ужас, а не ногти. Это просто когти! Где ножницы? Не дёргайся! Ни с каким мясом я не режу, а стригу очень осторожно. Не хлюпай носом, ты не девчонка... Вот так. Теперь садись к столу».

Он бы сел и потихоньку сказал маме:

«Ну как поживаешь?!»

А она бы сказала тоже тихонько:

«Ничего, спасибо!»

А я бы немедленно:

«Разговорчики за столом! Когда я ем, то глух и нем! Запомните это на всю жизнь. Золотое правило! Папа! Положи сейчас же газету, наказание ты моё!»

И они сидели бы у меня как шёлковые, а уж когда бы пришла бабушка, я бы прищурился, всплеснул руками и заголосил:

«Папа! Мама! Полюбуйтесь на нашу бабуленьку! Каков вид! Грудь распахнута, шапка на затылке! Щёки красные, вся шея мокрая! Хороша, нечего сказать. Признавайся, опять в хоккей гоняла? А это что за грязная палка? Ты зачем её в дом приволокла? Что? Это клюшка? Убери её сейчас же с моих глаз — на чёрный ход!»

Тут я бы прошёлся по комнате и сказал бы им всем троим:

«После обеда все садитесь за уроки, а я в кино пойду!» Конечно, они бы сейчас же заняли и захныкали:

«И мы с тобой! И мы тоже хотим в кино!»

А я бы им:

«Нечего, нечего! Вчера ходили на день рождения, в воскресенье я вас в цирк водил! Ишь! Понравилось развлекаться каждый день. Дома сидите! Нате вам тридцать копеек на мороженое, и всё!»

Тогда бы бабушка взмолилась:

«Возьми хоть меня-то! Ведь каждый ребёнок может провести с собой одного взрослого бесплатно!»

Но я бы увильнул, я сказал бы:

«А на эту картину людям после семидесяти лет вход воспрещён. Сиди дома, гулёна!»

И я бы прошёлся мимо них, нарочно громко постукивая каблуками, как будто я не замечаю, что у них у всех глаза мокрые, и я бы стал одеваться, и долго вертелся бы перед зеркалом, и напевал бы, и они от этого ещё хуже бы мучились, а я бы приоткрыл дверь на лестницу и сказал бы...

Но я не успел придумать, что бы я сказал, потому что в это время вошла мама, самая настоящая, живая, и сказала:

— Ты ещё сидишь? Ешь сейчас же, посмотри, на кого ты похож? Вылитый Кощей!

ИВАН СУРИКОВ

Детство

Вот моя деревня;
Вот мой дом родной;
Вот качусь я в санках
По горе крутой;

Вот свернулись санки,
И я на бок — хлоп!
Кубарем качуся
Под гору, в сугроб.

И друзья-мальчишки,
Стоя надо мной,
Весело хохочут
Над моей бедой.

Всё лицо и руки
Залепил мне снег...
Мне в сугробе горе,
А ребятам смех!

Но меж тем уж село
Солнышко давно;
Поднялася вьюга,
На небе темно.

Весь ты перезябнешь,
Руки не согнёшь
И домой тихонько,
Нехотя бредёшь.

Ветхую шубёнку
Скинешь с плеч долой,
Заберёшься на печь
К бабушке седой.

И сидишь, ни слова...
Тихо всё кругом;
Только слышишь — воет
Вьюга за окном.

В уголке, согнувшись,
Лапти дед плетёт;
Матушка за прялкой
Молча лён прядёт.

Избу освещает
Огонёк светца;
Зимний вечер длится,
Длится без конца...

И начну у бабки
Сказки я просить,
И начнёт мне бабка
Сказку говорить:

Как Иван-царевич
Птицу-жар поймал,
Как ему невесту
Серый волк достал.

Слушаю я сказку, —
Сердце так и мрёт,
А в трубе сердито
Ветер злой поёт.

Я прижмусь к старушке...
Тихо речь журчит,
И глаза мне крепко
Сладкий сон смежит.

А во сне мне снятся
Чудные края.
И Иван-царевич —
Это будто я.

Вот передо мною
Чудный сад цветёт;
В том саду большое
Дерево растёт.

Золотая клетка
На сучке висит;
В этой клетке птица
Точно жар горит;

Прыгает в той клетке,
Весело поёт;
Ярким, чудным светом
Сад весь обдаёт.

Вот я к ней подкрался
И за клетку — хватать!
И хотел из сада
С птицею бежать.

Но не тут-то было!
Поднялся шум, звон;
Набежала стража
В сад со всех сторон.

Руки мне скрутили
И ведут меня...
И, дрожа от страха,
Просыпаюсь я.

Весело текли вы,
Детские года!
Вас не омрачали
Горе и беда.

ЛЕВ ТОЛСТОЙ

Прыжок

Быль

Один корабль обошёл вокруг света и возвращался домой. Была тихая погода, весь народ был на палубе. Посреди народа вертелась большая обезьяна и забавляла всех. Обезьяна эта корчилась, прыгала, делала смешные рожи, передразнивала людей, и видно было —

она знала, что ею забавляются, и оттого ещё больше расходилась.

Она подпрыгнула к 12-летнему мальчику, сыну капитана корабля, сорвала с его головы шляпу, надела и живо взобралась на мачту. Все засмеялись, а мальчик остался без шляпы и сам не знал, смеяться ли ему, или плакать.

Обезьяна села на первой перекладине мачты, сняла шляпу и стала зубами и лапами рвать её. Она как будто дразнила мальчика, показывала на него и делала ему рожи. Мальчик погрозил ей и крикнул на неё, но она ещё злее рвала шляпу. Матросы громче стали смеяться, а мальчик покраснел, скинул куртку и бросился за обезьяной на мачту. В одну минуту он взобрался по верёвке на первую перекладину; но обезьяна ещё ловчее и быстрее его, в ту самую минуту, как он думал схватить шляпу, взобралась ещё выше.

— Так не уйдёшь же ты от меня! — закричал мальчик и полез выше. Обезьяна опять подманила его, полезла ещё выше, но мальчика уже разобрал задор, и он не отставал. Так обезьяна и мальчик в одну минуту добрались до самого верха. На самом верху обезьяна вытянулась во всю длину и, зацепившись задней рукой¹ за верёвку, повесила шляпу на край последней перекладины, а сама взобралась на макушку мачты и оттуда корчилась, показывала зубы и радовалась. От мачты до конца перекладины, где висела шляпа, было аршина два, так что достать её нельзя было иначе, как выпустить из рук верёвку и мачту.

¹ У обезьян 4 руки. (Примечание Л. Толстого.)

Но мальчик очень раззадорился. Он бросил мачту и ступил на перекладину. На палубе все смотрели и смеялись тому, что выделывали обезьяна и капитанский сын; но как увидели, что он пустил верёвку и ступил на перекладину, покачивая руками, все замерли от страха.

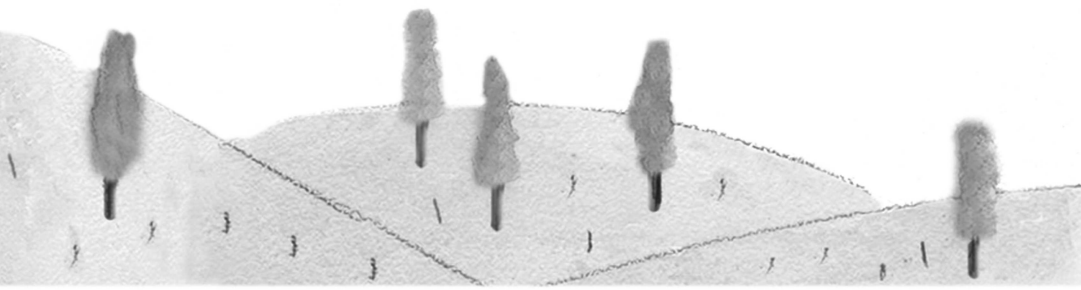
Стоило ему только оступиться — и он бы вдребезги разбился о палубу. Да если б даже он и не оступился, а дошёл до края перекладины и взял шляпу, то трудно было ему повернуться и дойти назад до мачты. Все молча смотрели на него и ждали, что будет.

Вдруг в народе кто-то ахнул от страха. Мальчик от этого крика опомнился, глянул вниз и зашатался.

В это время капитан корабля, отец мальчика, вышел из каюты. Он нёс ружьё, чтобы стрелять чаек. Он увидел сына на мачте и тотчас же прицелился в сына и закричал: «В воду! прыгай сейчас в воду! застрелю!» Мальчик шатался, но не понимал. «Прыгай или застрелю!.. Раз, два...» И как только отец крикнул: «три» — мальчик размахнулся головой вниз и прыгнул.

Точно пушечное ядро, шлёпнуло тело мальчика в море, и не успели волны закрыть его, как уже 20 молодцов матросов спрыгнули с корабля в море. Секунд через 40 — они долги показались всем — вынырнуло тело мальчика. Его схватили и вытащили на корабль. Через несколько минут у него изо рта и из носа полилась вода, и он стал дышать.

Когда капитан увидел это, он вдруг закричал, как будто его что-то душило, и убежал к себе в каюту, чтоб никто не видал, как он плачет.



Мои звери

